

Точка зрения

Донатас БАНИОНИС: КАЖДЫЙ МИГ НЕПОВТОРИМ

Донатас Банионис не нуждается в многословном представлении. Народный артист СССР, лауреат Государственных премий... Позади десятки ролей, сыгранных на сцене родного Паневежского театра, а также в кино, где популярны его работы в фильмах «Никто не хотел умирать», «Король Лир», «Мертвый сезон», «Гойя», «Кентавры»...

Мы встретились в просторном кабинете на втором этаже здания театра в Паневежисе. Беседа то и дело прерывалась телефонными звонками, а Банионис произносил неожиданные в его устах монологи о присылке цементного раствора, олфы и т. п. Создавалось впечатление, что

знаменитый артист пробует на роль современного хозяйственника. Но натуральность тона, страстную убедительность на сей раз следовало приписать не высокому мастерству артиста, а тому обстоятельству, что хозяин кабинета самым реальным образом «выбивал» стройматериалы: в театре шел ремонт, а Донатас Банионис, кроме того, что он художественный руководитель, еще и директор театра. Должность хлопотная...

Находясь во власти этой хозяйственно-деловой атмосферы и памятуя о том, что наш собеседник в ранней юности учился в ремесленном училище гончарному искусству, мы и задали свой первый вопрос:

заслони́в лицо руками: преодоление легкого языкового барьера или это его актерская манера представлять переживаемое на внутреннем экране воображения, потребность как бы отгородиться при этом от внешнего мира?) Меня поначалу кино разочаровало тем, что там играют кусками, потом монтируют, причем сначала ты можешь там играть конец действия, а потом начало. В театре я привык проживать роль на глазах зрителя, за 2—3 часа весь процесс в естественной последовательности, а тут сыграл кусочек, сказал два слова, тебе говорят: «Все. Снято, иди домой, до завтра». Но потом я вошел во вкус, прошел страх перед камерой. Меня пригласил в фильм «Никто не хотел умирать» режиссер Жалаквичус.

— Кстати, как вы относитесь к его высказыванию, что перевоплощение не требует от вас каких-либо психологических переустройств, что внешность Баниониса—внутри, лицо—внутри.

— Ну (смеется) ему, наверное, виднее, где у меня внешность — внутри или снаружи... Так вот, это был мой четвертый фильм. Я понял, что в кино можно не только позировать, а жить. Очень помог оператор Грицюс, который умеет снимать не так, как ему нужно и удобно, а как нужно и удобно актеру, фильму. Я научился сначала выстраивать всю роль от начала до конца в голове и играл ее по кусочкам, как книгу читал по главам. Я играл роль председателя сельсовета Вайткуса. Тут

был хороший материал, есть что делать, как говорится, есть что играть. Фильм, как известно, получил большой резонанс в стране.

— Да, картина была восторженно принята. Вообще надо сказать, что во многом благодаря кинематографу и, в частности, вам, вашим ролям всеобщий зритель открывал для себя литовскую историю, культуру, литовские пейзажи, характеры и т. п. Это естественно. Было время, когда вы для себя осваивали просторы русской культуры, овладевали русским языком... Какая была первая книга по-русски?

— Я родился в Каунасе, у нас были люди, говорившие по-русски, русский язык был мною слышан, если так можно сказать. Учебников не было, и первая книга, которую я собрался одолеть, — «Братья Карамазовы» Достоевского. Это было мучительное наслаждение или наслаждение мучение, как хотите. На одну страницу входило часа два. Потом я вообще понял, что чтение этой вещи трудно даже и для того, кто в совершенстве владеет языком. Эта трудность не лингвистическая, а интеллектуальная. Ну, это к слову. Вы говорите про то, что «литовское начало» входило во многом через кинематограф. А для меня «русское начало» — это когда я был ошеломлен Русским музеем и Эрмитажем в Ленинграде, МХАТом в Москве.

«Три сестры» с Тарасовой. Еланской, Степановой — разве это можно забыть?! Вообще то говорю, я не люблю вести актерский учет относительно того, какие ингредиенты и в какой пропорции составляют национальные характеры. Люди везде люди. Сейчас, когда над человечеством нависла угроза ядерного уничтожения, о судьбах мира следует судить категориями общечеловеческими. Земля — планета людей. Считаю, сейчас очень тревожное положение в мире, оно требует от человека серьезности, бдительности, активности. Мне дорог образ разведчика Ладейникова в фильме Саввы Кулиша «Мертвый сезон» именно тем, что у него есть четкая жизненная позиция. Я не верю, что искусство существует для того, чтобы дидактически выполнять педагоги-

ческую миссию. Искусство потрясает человека, и через это потрясение в него входит искра света и разгорается в нем добром, радостью, тревогой, надеждой. Да, да, тревогу тоже надо пробуждать в зрителе, чтобы он всегда был готов защищать свои положительные идеалы.

— Сама специфика актерской профессии такова, что приходится играть чужие страсти, чужие жизни. И в них как бы растворяешься — до самоисчезновения...

— Но в понимании образов, в трактовке их и должна проявляться индивидуальность и личность актера, а также режиссерское кредо. Кто знает, какой там этот Вайткус из «Никто не хотел умирать»? А я думал показать парня, который боялся. Какой хотел быть честным, ему было трудно в тех обстоятельствах выжить. И он погибает. Но я это делаю не как Банионис, а как будто другой человек, вот этот Вайткус... Я и сам не знаю, как это происходит, эта подмена...

— Если б какому-то актеру поручили играть, скажем, роль Баниониса, что бы вы ему посоветовали, какие б были на сей счет установки?

— Никаких! Это абсурдная постановка вопроса. Не вижу оснований и поводов, чтобы моя персона могла быть предметом актерского воплощения. Ну, хорошо, хорошо, вопрос задан и надо отвечать. Отвечаю: как он думает — пусть так и играет. Он по-актерски будет больше прав, чем я. Никто из зрителей не видел живого Гойю. Я его играю так, как вижу, как чувствую, и пусть даже сам Франциско подошел бы ко мне и сказал: «Донатас, я бы тут вел себя иначе», я бы ему ответил: «Спасибо, но отойдите, не мешайте. Мне лучше знать». Впрочем, Гойя, думаю, так бы никогда не сказал.

— Знаете, иногда в качестве интервьюеров выступают сами писатели, артисты. И они, естественно, задают интересные вопросы. Вот, например, Лев Толстой спросил однажды у Горького, какой самый страшный сон ему приснился.

— Интересно, и что же ответил Горький?

— Его сон был: огромный поле, на котором до самого гори-

зонта растут розги. Толстой сказал, что если Горький это не сочинил, а ему действительно это приснилось, то сон в самом деле страшный.

— Да-а... Ну, такими мрачными фресками похвастать не могу. Мои страшные сны... вернее, один, обычный, актерский: выходу на сцену и вдруг забываю, что говорить, какая пьеса... холодеешь от ужаса, хочешь догадаться по декорациям — никакой подсказки, сейчас, знаете, все больше «вневременные» декорации... Страшный актерский сон. Вот и просыпаешься в холодном поту.

— Ваш учитель Мильтинис сказал прекрасные слова: «В искусстве надо искать не новое, а вечное»...

— Театр изменяет своему призванию, теряет серьезность, если он гонится в поисках популярности за модой, поклоняется только форме. Новые формы должны сочетаться с тем, что поистине непреходящее — с проблемами человека, его заветными целями, с передовыми идеями времени. Я не люблю искусства самоцели. Сейчас кое-где есть спектакли, где заигрывают с публикой, про них можно услышать: «Идите, там на сцене голые ходят». Ну и что? Если после спектакля говорят только про это, героев надо одеть в одежды. В театр ходят не за этим, театр не надо путать с баней. Повторю еще раз: театр слишком серьезное, ответственное дело, чтобы иметь в виду лишь преходящие, сиюминутные цели.

— И последний вопрос: осталась ли пока что несыгранной какая-то любимая вами, заветная роль?

— Нет! Категорически нет. Я, знаете, старый театральный волк, и я вам говорю, что уповать на ту самую любимую, заветную роль — иллюзия, легенда. По себе знаю — самой любимой, заветной должна быть та роль, которую тебе сейчас дали, которую тебе предстоит сыграть сегодня на сцене. Самая последняя сегодняшняя роль и должна быть для мастера любимейшей и вожаемой. В этом актерская правда.

Беседу вели
А. ВАСИНСКИЙ,
И. КАСЮКОВ.

— А сейчас, Донатас Юозович, смогли бы вы своими руками сделать, к примеру, керамическую вазу?

— Да, вы меня врасплох застали. Откровенно если: не знаю, давно, очень давно не пробовал, боюсь, что получится неровная, не очень красивая. Всякое серьезное дело требует сноровки, постоянной натренированности, я же не уверен, что руки еще помнят. Глаза помнят, а вот руки... Все-таки прошло более сорока пяти лет... срок... время идет...

— В этом году вы отметили 60-летие. Всем очевидно, чем предпочтительнее более молодой возраст. Но вот, на ваш взгляд, есть ли какие-то преимущества у 60-летнего возраста по сравнению с 50-летним?

— Есть, надо подумать, как сформулировать. Преимущество уже то, что каждый миг жизни неповторим. И потом в шестьдесят гораздо больше понимаешь ценность каждого дня, как подарка судьбы. Я стал, можно сказать, на десять лет опытнее, зорче в жизни. Я говорю о зрении души. С высоты сегодняшнего опыта мне иногда досадно взирать на некоторый авантюризм моих актерских амбиций десятилетней давности. Считаю,

что тогда я шарахался не раз из стороны в сторону, был самонадеян, даже упоен успехом. Упоенность, как сильное чувство, следует испытывать лишь время от времени, изредка, но я сейчас предпочитаю трезвость, ясность. В пятьдесят я больше интересовался не театром, а кино, все «кино, кино, кино», а сейчас я весь, всеми помыслами в театре. Стать главным режиссером, а потом художественным руководителем театра я никогда не хотел. Так сложились обстоятельства. Отвечая на ваш вопрос о возрасте, скажу: на меня сейчас навалились обязанности, которые под силу 50-летнему.

— Мы поняли ваш ответ так: хорошо бы силы 50-летнего, а опыт 60-летнего... Так?

— Да, почему так не бывает? (Смеется). Почему так устроен мир? А?

— Вот уже три года вы не снимаетесь в кино...

— Да, я полностью посвятил себя театру, где я начинал... Все перед глазами, все на памяти... Мы здесь начинали, здесь ввел нас в мир сценического искусства человек изумительного таланта Юозас Мильтинис — первый и бессменный до

недавнего времени главный режиссер Паневежского театра.

— Вспоминается одно давнишнее его интервью, где он рассказал, что, когда вы репетируете, вы буквально забываете. Он привел в пример случай с ролью Бекмана в пьесе «Там, за дверью», когда вы сказали ему: «Я больше не могу, я умру». И я этому верю. сказал Мильтинис, знавший про ваш самоотдачу. Был такой случай?

— Наверное, был, если Юозас так помнит, значит, был. Что тут сказать? Актерская профессия — поприще неэкономное в смысле затрат нервной энергии...

— Итак, киноактер Банионис пока что покинул экран. А как случилось, что вы стали сниматься?

— Я давно хотел сниматься. Мечтал. Я видел фильмы. Думал о том, как это делается, мне было бы интересно поработать. Как раз организовалась Литовская киностудия. Пригласили на роль, я согласился. Я был театральным актером, роль не получилась, да и, честно говоря, она была мне... ну, не очень, на душу не легла, можно так сказать? (Банионис отвечал на некоторые наши вопросы, наклонив голову, полузакрыв глаза,